Под чутким присмотром Чэнь Сюэханя я поднимался наверх по рыхлому снегу. Ступени горной дороги, высокие и крутые, по краям превратились в обычные сугробы, и лишь в центре была расчищена узкая тропка, по которой можно было пройти только по одному. Со мной пошли еще два человека, они настаивали, чтобы помочь мне, но теперь жалели об этом.

К полудню мы, наконец, добрались до ворот ламаистского храма. Все это время Чэнь Сюэхань болтал без остановки.

Я и раньше посещал храмы разных религий, в том числе и тибетские. Но такой видел впервые.

Первое, что бросалось в глаза — ветхие храмовые ворота небольшого размера. По сути, это была деревянная калитка высотой в половину человеческого роста, за которой виднелся небольшой внутренний двор. Снег внутри был тщательно убран и сметен с поверхности многочисленных каменных столов, скамеек и молитвенных мельниц. В глубине двора располагалось здание монастыря, очень высокое. Пришлось задрать голову, чтобы с трудом разглядеть крышу. Эффектное зрелище.

Но по опыту я знаю, что тибетские храмы только кажутся огромными. Внутри помещения небольшие, это особенность всех зданий, пристроенных к склонам гор.

Вокруг одной из молитвенных мельниц сидели три молодых ламы и сосредоточенно крутили ее, греясь от огня. Увидев нас, они даже не удивились и с мест не сдвинулись, продолжая заниматься своим делом. (прим. Молитвенные мельницы или молитвенные барабаны — цилиндр или валик на оси, содержащий мантры. В тибетском буддизме молитвенные барабаны принято крутить, чтобы сочетать физическую активность с духовным содержанием. В данном случае речь идет о частном виде молитвенной мельницы, огненном барабане. Принцип вращения любой мельницы разный. Самые простые надо самостоятельно вращать, но есть такие, что крутятся сами под действием движущая сила воды, ветра, в настоящее время даже электричества. Движущей силой может быть также тепло. Для холодного Тибета использование огненных барабанов вполне логично: и молиться можно, и греться.)

Чэнь Сюэхань вышел вперед и объяснил, зачем мы пришли. Вроде говорил он по-тибетски, но я ни слова не понял. Один из лам встал и проводил нас в храм.

Первая комната, в центре — самая большая. Здесь ламы работают. В глубине комнаты есть деревянная лестница. Не знаю, сколько мы поднимались по ступенькам наверх, миновали много комнат. Наконец, сопровождавший нас лама остановился и пригласил в темную комнату.

Чэнь Сюэхань и лама почтительно отступили назад, оставив меня и двух моих спутников стоять в темноте. Оглядевшись, я понял, что это зал для погружения и созерцания, и здесь лишь один небольшой источник света.

Я пошел туда. Когда глаза немного привыкли к полутьме, я разглядел множество свитков и книг, стопками сложенных на полу, скорее всего, священные тексты. Обойдя их, я оказался рядом с источником света — это было небольшое окно.

Проем был занавешен толстым одеялом, но оно слишком старое и дырявое. Свет проникал через эти прорехи.

Я собирался убрать одеяло, чтобы в комнате стало светлее, но из темноты раздался голос: "Не надо света. Иди сюда".

Это приглашение застало меня врасплох. Оглянувшись, я увидел, как в темноте загорелся небольшой красноватый огонек, осветивший фигуры пяти лам.

Эти пятеро, видимо, сидели здесь очень давно. Черты лиц я не мог рассмотреть в полутьме. Видимо, они практиковали созерцание и уединение, и мы, казалось, им помешали.

Но меня вроде как пригласили подойти. Приблизившись, я увидел, что у четверых лам, довольно молодых, глаза закрыты, и только пятый, старше возрастом, смотрел на нас.

Когда я сказал, что хочу узнать подробности событий из прошлого, старший лама тоже закрыл глаза и ответил: "Это то, что я помню до сих пор".

Я ожидал хоть какого-то проявления эмоций. Например, он должен был вздрогнуть и спросить, откуда я знаю того человека. Или что-то в этом роде.

Но он просто закрыл глаза и заявил: это то, что я помню до сих пор.

Я постарался не показывать удивления, притворяясь спокойным.

Иногда истина невероятна, но я давно понял, что некоторые вещи, которые мне кажутся необычными, для других — просто мелочь.

И я могу это понять.

Нас проводили в комнату старшего ламы и угостили часуймой, оставив ждать, пока он закончит практиковаться с учениками. Здесь горела угольная печь, было тепло, я даже вспотел, слушая рассказ о прошлом младшего брата.

Старший лама так равнодушно ответил на мой вопрос, словно это ерунда, не заслуживающая внимания. Но мне все равно это казалось важным.

Многих деталей старший лама не знал, поэтому принес с собой несколько свитков и заметок, чтобы не упустить чего-нибудь. Рассказав мне все, он дал прочесть эти свитки самому. Ниже я расскажу все, что узнал из уст старшего ламы и его записок.

Рассказ старшего ламы был очень долгим, а в заметках слишком много тибетских и местных диалектизмов, частые повторения. Я постараюсь пересказать все кратко.

Историю пятидесятилетней давности старший лама помнил очень хорошо. Тогда три недели шел снегопад, засыпавший гору так, что спускаться по ней было небезопасно. Все ламы готовились к зимнему вынужденному посту.

Старший лама в то время был еще молод, и храмом руководил другой. Но чтобы не было путаницы, я продолжу его называть старшим ламой.

В тот день, выполняя свое послушание, старший лама подметал снег во дворе, перед этим по древней традиции выставив три угольные печи. Он считал, что это делается, чтобы падающий снег таял и не так сильно заметал двор. Правда, этот ритуал проводили не каждый год, а лишь раз в десять лет. В первый раз печи зажгли и выставили через десять лет после постройки храма, и ни разу за все время не пропускали положенный срок, хотя большинство лам не понимали смысла этого ритуала.

В полдень того же дня, когда он в четвертый раз вышел добавить угля, старший лама увидел

Молчуна, стоявшего перед одной из печей и гревшего руки над огнем.

Молчун был одет в странную одежду, напоминавшую военную телогрейку, только вышивка на ней была тибетской. За его спиной висела большая сумка, наверно, очень тяжелая.

Старший лама обратил внимание на отличное телосложение Молчуна. Между ними состоялся такой разговор.

Старший лама: "Откуда пришел уважаемый гость?"

Молчун: "Я спустился с гор".

Старший лама: "Куда направляется уважаемый гость?"

Молчун: "Мой путь лежит во внешний мир".

Старший лама: "Вы из деревни за перевалом?"

Молчун: "Нет, я был глубоко в горах".

Отвечая, Молчун указал в противоположном направлении. Это были внутренние районы Гималаев. Старший лама и все жители Медога знали, что это ничейная земля и там никто не живет.

И никакие дороги не ведут оттуда к храму. Есть лишь одна тропа, которую скорее краем обрыва назвать можно. Но сейчас она полностью занесена снегом и, главное, с нее нельзя спуститься к храму, только спрыгнуть с высоты в двести метров. В окрестностях храма это самое опасное место.

"Оттуда никто не может прийти", — с улыбкой ответил старший лама. Поначалу он решил, что Молчун лукавит, но вскоре заметил, что гость на самом деле странный. Там, где стоял Молчун, была только пара отпечатков ног в снегу, но не было цепочки следов, ведущей к дороге.

Даже в снегопад следы не замело бы так быстро. Разве что Молчун упал с неба. Или действительно спрыгнул с горы.

Старший лама: "Почему уважаемый гость остановился у ворот нашего храма?"

Молчун: "Здесь тепло. Я согреюсь и сразу уйду".

Говоря о тепле, Молчун указал на печь, возле которой стоял, и старшему ламе пришла в голову странная мысль. Непонятный ритуал храма заключается в том, что каждые десять лет у входа зажигают три угольные печи. Неужели на всякий случай, если кому-то взбредет в голову идти мимо?

Или кто-то рассчитывал, что стоящие во дворе печи привлекут паломников?

Этот ритуал существовал с момента постройки храма. Многие ламы считали его странным. Может быть, тот, кто построил храм, предвидел сегодняшнюю ситуацию, поэтому установил правило зажигать печи?

Некоторое время старший лама и Молчун смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Вдруг лама смутился и сказал: "Внутри гораздо теплее. Уважаемый гость, заходите, отдохните немного, выпейте чашку часуймы перед тем, как продолжить свой путь".

Он был вежлив, а вот Молчун, словно не ведая приличий, кивнул и коротко ответил: "Хорошо".

Так старший лама привел Молчуна в храм.

Как хозяин, у которого давно не было гостей, он сделал все возможное, чтобы быть гостеприимным. Сначала он предложил Молчуну согреться, напоил часуймой, а затем показал ему храм.

Все это время старший лама едва сдерживал свое любопытство. Он задал несколько вопросов. Молчун не собирался ничего скрывать, но все равно несколько раз повторил, что он пришел из внутренних районов Гималаев. И не похоже было, чтобы он врал.

Хоть старший лама в то время и был слишком молод, но уже прошел путь совершенствования и умел контролировать свое любопытство. Видя неразговорчивость Молчуна, он не стал задавать много вопросов.

Молчун собирался лишь переночевать в храме, а утром уйти. После этого жизнь старшего ламы вернется в прежнее русло.

http://tl.rulate.ru/book/89763/2924608